

Научная статья

УДК 398.8, 784.4, 811.551.3
DOI 10.17223/18137083/82/2

Мухоморные песни коряков-нымыланов

Екатерина Леонидовна Тирон

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Аннотация

Традиция исполнения песен под воздействием мухоморного опьянения зафиксирована у многих народов, проживающих на территории Западной и Северо-Восточной Сибири. Однако эта тема до настоящего времени остается малоисследованной, а публикации текстов, переводов и нот единичны. В статье впервые приводятся образцы корякских мухоморных песен, записанные в экспедициях 1991 (рук. Ю. И. Шейкин), 2004 (рук. А. А. Мальцева) и 2008 гг. (П. Сиирала) от нимыланов Карагинского и Олюторского районов Камчатки. Основа мухоморных песен – личные песни предков. Выявленные смысловые маркеры мухоморных песен: констатация мухоморного состояния, традиционный речевой диалог с людьми из реального мира, передача посланий от умерших предков, описание мухоморного танца, элементы мухоморного путешествия. Автор впервые описывает ладово-мелодическое строение напевов, устройство стихосложения и тематику текстов нимыланских мухоморных песен.

Ключевые слова

коряки, нимыланы, алюторцы, палеоазиатские народы, музыкальная традиция коряков, личные песни, мухоморные песни, этномузыковедение

Для цитирования

Тирон Е. Л. Мухоморные песни коряков-нымыланов // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 26–44. DOI 10.17223/18137083/82/2

Fly agaric songs of the Koryaks-Nymylans

Ekaterina L. Tiron

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
krupich_katja@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9012-0476>

Abstract

The tradition of singing songs under the influence of fly agaric intoxication has been recorded among many peoples of Siberia. However, this topic still needs to be studied, with publications of texts, translations, and sheet music being scarce. This paper presents samples of

© Тирон Е. Л., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 26–44
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 1, pp. 26–44

Koryak-Nymylan fly agaric songs recorded in the 1990s–2000s in the Karaginsky and Olyutorsky districts of Kamchatka. There are two types of songs associated with different stages of interaction with fly agarics. When fly agarics are found, special songs-dances of a joyful character are sung due to the beliefs about the correct behavior of welcoming a mythical tribe of dancing fly agaric women. When using fly agarics, personal songs are performed, manifested in the commonality of poetic texts and melodies. This paper describes for the first time the modal-melodic structure of the melodies and the versification of the Koryak fly-agaric songs. The specificity of the flapper songs is caused by the special state, reflected in the timbre change of personal songs and the inclusion of “fly agaric” themes in the texts. The following semantic markers can be distinguished: the statement of the fly agaric state, the traditional speech dialogue with people from the real world, the transmission of messages from deceased ancestors, the description of the fly agaric dance, and the elements of the fly agaric journey. Fly agaric songs should be considered in the context of mythological representations of interaction with other worlds where deceased ancestors and special fly agaric creatures live.

Keywords

Koryaks, Nymylans, Alutorians, Paleoasiatic peoples, musical tradition of the Koryaks, personal songs, fly agaric songs, ethnomusicology

For citation

Tiron E. L. Fly agaric songs of the Koryaks-Nymylans. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 1, pp. 26–44. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/82/2

Исполнение особых песен после употребления мухомора распространено у многих народов Сибири. Свидетельством архаичности этой традиции являются петроглифы I–II тыс. до н. э. реки Пегтымель на Чукотке, на которых изображены мифические человечки-мухоморы [Диков, 1971]. Как пишет известный сибирский этномузыковед Ю. И. Шейкин, «изображения человечков с грибами на голове свидетельствует о существовании особого песенного поведения, возникшего под воздействием психотропных веществ» [2002, с. 346].

Эстонский этнолог М. Саар выделила два больших региона, в которых зафиксировано употребление мухомора: у хантов, манси, ненцев, нганасан, селькупов, проживающих на территории Западной Сибири и полуострова Таймыр, у чукчей, коряков, ительменов, эскимосов, русских, чуванцев, юкагиров и эвенов Крайнего Северо-Востока Сибири – на Чукотке и Камчатке [Saar, 1991].

Этномузыковедческое изучение мухоморных песен, исполняемых в двух регионах, практически отсутствует. Незнученность мухоморных песен Западной Сибири (в частности у хантов и манси) объясняется тем, что «до настоящего времени эта традиция не сохранилась» [Мазур, Солдатова, 1997, с. 34]. В научных публикациях упоминают о существовании *айем эрги* у манси [Богданов, 1981, стб. 1027], *панк арех* у хантов [Сильвет, 1985, с. 135], *понл'ат икет ар* у казымских хантов [Мазур, Солдатова, 1997, с. 34], *vipi-kunaws* у лесных ненцев [Discovering Siberia..., 2002, p. 40]. Опубликованы единичные образцы мухоморных песен Западной Сибири: текст хантыйской мухоморной песни на английском языке [Saar, 1991, p. 163], три образца текстов и переводов на английский язык мухоморных песен лесных ненцев [Kaur, Toulouze, 2002] с аудио [Discovering Siberia..., 2002, № 27–30], мухоморная песня манси, исполняемая на медвежьем празднике (опубл. А. Каннисто и А. Вайзаненом [Сильвет, 1985]).

В чукотско-камчатской зоне употребление мухомора и исполнение мухоморных песен – это живая традиция. Она фиксировалась в ходе полевых исследований 1980–2000-х гг. (см. [Батъянова, 2001; Сагалаев, 2022] и др.), а также под-

тверждается информацией, полученной от современных носителей традиции. Однако в публикациях она практически не отражена. Одна чукотская мухоморная песня, исполненная Т. П. Тевлянтонану на напев личной песни свекрови Етгэут, приводится в [Шейкин, 2018, с. 176].

Единичные тексты корякских мухоморных песен на национальном языке опубликованы в [Society and Folk Art..., 1998, p. 112–113]. Перевод этих песен на русский язык приводит Е. П. Батьянова: «Я мухомор поела, чтобы хорошо все жили. Хорошенько приду в себя, просыпаюсь, прихожу в себя. Просыпаюсь, чтобы в селении никто не болел, хорошо жили», «Я мухомор наелся, олени чтобы хорошо жили, чтобы хорошо и олени выросли» [Батьянова, 2001, с. 74]. Э. Кастен приводит английский и русский переводы текста корякской мухоморной песни, записанной от Е. Н. Шмагиной в 2001 г.: «Я под мухомором, я под мухомором, я по тундре, по тундре иду, также эту мелодию по тундре напеваю» [Родовые мелодии..., 2016, с. 45].

Аудиозаписи мухоморных песен коряков производились в 1976 г. композитором и фольклористом И. А. Богдановым-Бродским в совместной экспедиции с фольклористом Е. М. Мелетинским, о чем имеется упоминание в книге последнего [Мелетинский, 1979, с. 87], однако сами песни не опубликованы [Тирон, 2019]. И. А. Бродский пишет о «мухоморных», «хмельных» и «сновиденевых» песнях, которые создаются и исполняются «соответственно в состоянии наркотической одурманенности, ритуальных охмеленности и сна» [1976, с. 252] северными народами анкальинско-эскимосской, нымылано-анкальинской, керекско-алеутской, курильско-ительменской и нивхской и других этномузыкальных общностей.

Материалом для настоящего исследования являются полевые материалы, собранные в Комплексных фольклорных экспедициях 1991 (рук. Ю. И. Шейкин), 2004 гг. (рук. А. А. Мальцева), и некоторые камчатские записи П. Сиирала 2008 г. (см. [Шейкин, 1991; Сиирала, 2008], см. также [Мальцева, Солдатова, 2004; Сагалаев, 2022]). Эти мухоморные песни исполнены нымыланами¹, уроженцами с. Анапка и Карага Карагинского района Д. А. Мулинаут, И. С. Поповой, В. Н. Чечулиным, Е. И. Чечулиной и уроженцами с. Вывенка Олюторского района А. Е. Мулитка и Л. М. Хутыгиргиной. Расшифровка и перевод текстов выполнены Т. А. Голованевой совместно с Л. И. Чечулиной (коллекция 1991 г.) и М. Н. Аммиком (коллекция 2004 г.). Нотация песен осуществлена Е. Л. Тирон. В 2019 г. Т. А. Голованевой и Е. Л. Тирон было проведено интервью на тему личных и мухоморных песен с современными носителями традиции Л. И. Чечулиной, В. М. Нутаюлгиным и И. Н. Меваннаут, уроженцами Карагинского и Олюторского районов.

Взаимодействие человека с мухоморами в традиционной культуре коряков довольно регламентировано: «правила общения с мухомором, отличаясь в разных локальных и родственных группах, все же имели много схожего. На всех этапах (от собирания до принятия) это общение представляло определенный ритуал, в котором священный статус мухомора определялся системой запретов и предписаний» [Батьянова, 2001, с. 76]. Мухоморы всегда искали молча, но когда находили, то обязательно исполняли радостную песню (Чечулина, 2019).

¹ У коряков-чавчуленов также распространена традиция употребления мухоморов и исполнения мухоморных песен.

Редкая запись песни, исполняемой при обнаружении мухомора, сделана Ю. И. Шейкиным от нымылана В. Н. Чечулина, который начинает ее с комментария: «встречать мухоморы нужно с хорошим настроением и с песней, и даже подтанцовывать». Обязательным условием общения с мухоморами было хорошее расположение духа. «Считалось, что злым людям вообще нельзя общаться с мухомором, так как такой союз может стать причиной массовых несчастий» [Батьянова, 2001, с. 76]. Мухомор «выпрыгивал» из земли только перед хорошими людьми в качестве своеобразного подарка (Шейкин, 2004).

На сеансе записи перед исполнением песни В. Н. Чечулин попросил собирателя произнести «*ва'йыту в'апажав'!*» / 'да вот же мухоморы!' Для подчеркивания радостного настроения в тексте песни используется возглас детской радости *ики-ки*, реализуемый повторяющейся ритмической формулой из двух кратких и одной долгой длительности.

Пример 1. Фрагмент песни, исполняемой при обнаружении мухомора. Исполняет Василий Николаевич Чечулин (Ныкликка; род. в 1939 г. в с. Анапка Карагинского р-на). Запись 1991 г. АТМ НГК², 12.172.А089, № 337

Example 1. Fragment of song performed when a fly agaric is detected. Performed by Vasily Nikolaevich Chechulin (Nyklikka; born in 1939 in Anapka, Karaginsky district). Recording 1991. АТМ NGK, 12.172.А089, no. 337

Ики-ки, в'апажав'в'и галаг'олаж!
Ики-ки, ики-ки!
Ики-ки, в'апаж галаг'олаж!
Тытануынава'в'иг'а!

Ики-ки, мухоморы нашли!
Ики-ки, ики-ки!
Ики-ки, мухомор нашли!
Ох, как хочу скушать их!

Коряки мухомор использовали как средство для поднятия настроения: «человек поет и пляшет, часто раздражается громкими взрывами смеха без всякой оче-

² Архив традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки.

видной причины, вообще находится в состоянии шумной веселости» [Богораз, 1991, с. 140]. По сведениям современных носителей традиции, мухоморное состояние действительно побуждает разговаривать, петь и танцевать. Употребляя мухомор и для усиления творческого вдохновения при сочинении личной песни: «некоторые интересные данные о культе мухоморов... и о “мухоморных людях” удалось получить нам с И. А. Бродским во время экспедиции к корякам летом 1976 г. Поедание мухоморов... предшествовало сочинению обязательной для каждого личной песни» [Мелетинский, 1979, с. 87]. По традиционным воззрениям чукчей, мифические мухоморы учат людей исполнять мухоморные песни [Шейкин, 2018, с. 78].

Обратимся к коряжской национальной терминологии, относящейся к мухоморным песням. Слово мухомор по-коряжски *в'анаъ*, однако термин, обозначающий ‘мухоморного опьянения песню’ – *лылалъатъулиъул*³ (дословно ‘грезить / видеть галлюцинации=песня’). Слово *лалъ* производно от корня *lala-*, означающего «состояние наркотического опьянения, которое связано с употреблением мухоморов», и омонимичного основе *lala-* ‘глаз’, которая отражает «представления о зрительных галлюцинациях, обычно сопровождающих мухоморное опьянение» [Голованева, Мальцева, 2015, с. 96]. Современные коряки сравнивают зрительные галлюцинации с просмотром телевизора⁴. По отношению к мухоморным песням могут употребляться также термины *лылалъатанаутан* (*анаутак* ‘петь, шаманить’) и *лылалъатгыран* (*гыранык* ‘петь; прийти сверху, спуститься, скатиться’) (Чечулина, 2019).

При исполнении песен в мухоморном опьянении коряки используют напевы своих личных песен или личных песен предков [Тирон, 2020]. Считается, что «мухоморы могут просить намухоморенного исполнить чью-то личную песню, а свою-то обязательно поют» (Меваннаут, 2019).

Относительно различий песни, исполненной в нормальном состоянии или в мухоморном опьянении, мнения современных носителей традиции расходятся. Так, Л. И. Чечулина свидетельствовала о том, что мелодии мухоморных песен те же, что и у личных песен, однако «под мухомором силы много, более мощно поют, голоса громче, вся душа поет» (Чечулина, 2019). И. Н. Меваннаут считает, что «мухоморные песни не отличаются ничем от песен в обычном состоянии, нормально поют. Всё так же, как в обычном состоянии» (Меваннаут, 2019). В. М. Нутаюлгин говорил, что «под нос себе поют, внутри как-то» (Нутаюлгин, 2019). По-видимому, характер исполнения напрямую связан с особенностями личности намухоморенного человека и степенью воздействия на него мухоморного опьянения.

В 2004 г. на месте традиционной рыбалки в окрестностях с. Вывенка зафиксировано реальное употребление мухоморов, после которого Д. А. Мулинаут с родственницами длительное время исполняла песни с танцами, рассказывала предания и сказки. Д. А. Мулинаут в момент записи являлась старейшей носительницей и знатоком нымыланского фольклора и языка, признанной обладательницей шаманских способностей. В мухоморном состоянии она исполняла большое количество личных песен. Для изучения мухоморных песен были отобраны лишь те из них, тексты которых можно интерпретировать в специфическом контексте. Одна

³ Впервые в музыковедческой литературе этот термин приводится в [Шейкин, 1996, с. 73].

⁴ См., Т. Уркачан в фильме «Песня мухомора», основанном на видеоматериалах микологической экспедиции 1995 г. URL: <https://youtu.be/DrPx6-mCHxU>.

из них – личная песня ее мужа Мэниткана, о чем было традиционно указано до начала пения.

Пример 2. Фрагменты мухоморной песни (личной песни Мэниткана). Исполняет Дарья Андреевна Мулинаут (Муллы-җав'ыт; род. в 1918 г. в с. Анапка Карагинского р-на, проживала в с. Вывенка Олюторского р-на). Запись 2004 г. ИФЛ⁵, 15.072, № В65

Example 2. Fragments of a fly agaric song (Manitkan's personal song). Performed by Daria Andreevna Mulinaut (Mullahav'yut; born in 1918 in Anapka, Karaginsky district, she lived in the village of Vyvenka, Olyutorsky district). recording 2004 IFL, 15.072, no. V65

1	«Оҗа,	«Она,
2	Мэҗитқаҗын җавакык!»	Мэниткана дочь!»
	[...]	
14	Аҗа, Маҗылҗунҗав мылавы...	Ана, Маньлқунав танцу...
15	...ткон! «Таныкрыҗин җавакык!»	...ет! «Таныкрынына дочь!»
16	Аҗа, э, галлалҗаллин!	Ана, э, намухоморилась!
17	«На-җа, Таныкрыҗин җавакык!»	«На-на, Таныкрынына дочь!»

⁵ Архив сектора фольклора Института филологии СО РАН.

В 2008 г. от Дарьи Андреевны был записан вариант этой же песни, исполненной в обычном состоянии (Сиирала, 2008). Наличие этих вариантов записи позволяет провести сравнительное исследование песни, исполненной в мухоморном состоянии и без него. Мелодическая основа двух вариантов песни одина, но текст различный, что говорит об его импровизационной природе. Вместе с тем имеется и общий текст, который, по-видимому, и составляет основу личной песни. В этой части упоминаются имена предков Мэниткана, Тынакъява и Таныкрынына⁶ и их потомки-дочери в мухоморной песне и сыновья в личной песне. Сравнение двух вариантов выявило в мухоморной песне два плана: текст личной песни Мэниткана и текст, который произносит исполнительница от своего лица, описывая себя и свое настоящее окружение, ситуацию исполнения мухоморной песни с танцем женщин.

Напев состоит из двух мелодических ячеек: распевной и базовой (далее – РМЯ и БМЯ). РМЯ основана на распевных словах *оуа, аюа* и включает долгие длительности (четверти, половинные и более крупные). Главной для нее является заключительная интонация восходящей секунды *g-a*, стабильной, несмотря на довольно значительное варьирование продолжительности ячейки. В начале песни РМЯ довольно широко развернута, занимает целую строку, но затем она выражается всё более кратко и лаконично и становится частью мелодической строки, объединяясь с БМЯ. В записи личной песни Мэниткана 2008 г. строки 1, 2, 4 и 5 начинаются кратким вариантом РМЯ, но в 3-й и 6-й строках РМЯ реализуется более продолжительными вариантами, распространяющимися на всю строку.

БМЯ несет основной смысловой текст, ритмизованный восьмыми и четвертями (хотя более долгие распевы также имеются). Для нее характерно многократное повторение сначала верхней ступени *a*, а затем нижней *g*, т. е. здесь главенствует интонация нисходящей секунды к основному тону.

Базовое слоговое наполнение строк личной песни БМЯ – от 6-ти до 8-ми слогов, но преобладают 7-сложные структуры⁷. В мухоморной песне текст личной песни Мэниткана обособляется посредством изосиллабизма 7-сложных строк. Все другие структуры (5-, 6-, 8-сложные) используются в тех строках, где описывается ситуация исполнения песни.

Обратим внимание на реализацию случая словообрыва (*мылавы...ткон*), который приходится на стык мелодических строк. Здесь происходит несовпадение словесного и мелодического плана песни, проявляется континуальность структур. Подобные явления отмечаются при исполнении личных песен у других народов. Так, у ненцев «большим художественным достижением считалось уметь петь так, чтобы строчки сливались воедино» [Ojamaa, Ross, 2012, p. 172], поскольку, по их мнению, именно непрерывное пение достигает духов. Окончание слова на следующей мелостроке появляется в РМЯ, а не в БМЯ, как предполагалось. Разрыв произошел, по-видимому, потому что исполнительница уже реализовала 7-сложную структуру стиха, а конец слова (*-ткон(a)*) созвучен междометию *оуа*, характерному для РМЯ.

⁶ В личной песне отца, записанной от Д. А. Мулинаут в 2008 г. П. Сиирала, упоминаются эти же имена и некоторые другие в качестве предков отца.

⁷ Для выявления структуры строки мы использовали следующие процедуры: суммирование времени распевов, в том числе с выделенным повторением гласной в середине слова (например, *альванюта(г'а)уавыу*); не учитывались огласовки согласных (например, *уавакык(а)*).

В тексте еще одной мухоморной песни Д. А. Мулинаут появляется укор ее покойного брата Равивилина (рус. имя Леонид) к собственной дочери, которая отравила его в иной мир без куртки. Этот текст является своеобразным указанием «передать» верхнюю одежду через сожжение. Напев данной песни однострочный, основа мелодического устройства приходится на текстовую часть строки и включает нисходящее движение. Последний слог БМЯ всегда реализуется продолжительным восходящим распевом, сопоставимым по времени с основной частью. В срединных (3–5) строках перед текстовой частью напева появляется второстепенная РМЯ, в которой вокализируются распевные слоги. Ее мелодия основана на восходящем движении от нижней к верхней ступени лада. Такая же интонация характерна и для распева последнего слога БМЯ. Базовая структура стиха песни включает от 6-ти до 8-ми слогов. Интересно, что даже повтор текстовых строк в первых четырех строках реализуется неповторяющимися слогоритмическими вариантами.

Пример 3. Мухоморная песня (личная песня Равивилина).
Исполняет Д. А. Мулинаут. Запись 2004. ИФЛ, 15.072, № В70
Example 3. Fly agaric song (Ravelin's personal song). Performed by D. A. Mulinaut. Recording 2004. IFL, 15.072, no. V70

1	Рав'ив'ильыннин жавакык!	Равивилина дочь!
2	Рав'ив'ильыннин жавакык!	Равивилина дочь!
3	А, Рав'ив'ильыннин жавакык!	А, Равивилина дочь!
4	Э, Рав'ив'ильыннин жавакык!	Э, Равивилина дочь!
5	А, Лёня гаяв'в'авлэн,	А, Лёню отправили,
6	Ал акуртка гайыллин!	Куртку не дали!

В личной песне мужа Мулиткана, исполненной А. Е. Мулитка в качестве мухоморной песни, дважды используется прямая речь, характерная для текстов личных песен [Тиرون, 2021]. В первом случае это призыв Мулиткана к женщинам (возможно, к женщинам-мухоморам): «Ну-ка, женщины, выходите, Ох и оттанцуем!» (строки 5–6). Во втором случае прямая речь передает обращение Мулиткана к Ыбылनावу, по-видимому, являющемуся проснувшимся напарником по мухоморному путешествию: «Тот самый дружок, Где Ыбылнав? Проснулся Ыбылнав?» (строки 13–15).

В тексте имеется текстовый рефрен *галлялиң галыллялин*, появляющийся шесть раз (в 1, 4, 7, 10, 12, 16-й строках). В мелодическом плане он почти точно реализуется в четырех из них (4, 10, 12, 16), а в двух других (1 и 7) он отличен и выделен тремолированием. Мелодическое устройство песни включает две МЯ. Первая МЯ основана на повторяющемся основном мелодическом тоне *f* и вспомогательной и конечной ступени *es* (строки 1–4, 7–8, 10–12, 15–16), во второй МЯ основным мелодическим тоном является многократно повторяемая вершина лада *as / a*, а *f* или *es* являются вспомогательными ступенями (строки 5, 6, 9, 13–14). Вторая МЯ нестрога, но всё же соотносится с прямой речью Мулиткана, которая явно выделяется в строках 5, 6, 8, 9, 13–15. Тритоновость звукоряда вносит яркую интонационность в первую половину песни. Начальный звукоряд *es-f-g-a* во второй половине песни переходит в *(c-d)-es-f-(ges) / g-as*. Отметим также большую зонность ступеней и транспонирование основной высоты лада в середине песни.

Когда в тексте речь идет о намухоморившемся Мулиткане (строки 1–4, 7, 10–12), ее можно интерпретировать двояко: либо как пение Мулиткана о своем состоянии через уста исполнительницы (тогда это также прямая речь), либо как воспоминание исполнительницы о Мулиткане. При любом варианте этот текст по содержанию отличается от того, что появляется со второй МЯ, где имеется обращение Мулиткана к другим людям: к танцующим женщинам и к Ыбылनावу.

Пример 4. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Мулиткана). Исполняет Анна Егоровна Мулитка (1926 г. р., с. Вывенка Олюторского р-на.). Запись 2004. ИФЛ, 15.065, № В5
Example 4. A fragment of a fly agaric song (Mulitkan's personal song). Performed by Anna Egorovna Ulitka (born in 1926, Vyvenka, Olyutorsky district). Recording 2004. IFL, 15.065, no. V5

1	Галлялиң галыллялиң...	Намухоморился намухоморившийся
2	...Муллиткаң ылавоқ!	Муллиткан муж!
3	А, Һавынэн кымиңын	А, женщины сын
4	Галлялиң галыллялиң:	Намухоморился намухоморившись [поет]:
5	«Ток, һавысызэ, ыңтулатық,	«Ну-ка, женщины, выходите,
6	Коџ, мынымылявасилламық!»	Ох и оттанцуюм!»

Базовое слоговое наполнение строк данной песни основано на 6- и 7-сложных структурах. Преобладают строки из двух слов. Текстовый рефрен *галлялиу галыллялиу* приходится на 7-сложные строки 1, 4, 7, 12 и 16. Его вариантом является расширенная до одиннадцати слогов 10-я строка *Г'эвэв'нутық, галлялиу галыллялиу...* Трехсложная 8-я строка – это укороченный вариант 9-й шестисложной строки, в начале базового текста которой повторяется слово *тумгапель*. На шести- (2, 3, 9, 11, 13–15) и восьмисложные (5, 6) строки приходится текст прямой речи, а также характеристика самого Мулиткана как мужа и сына. Ритмически и звуковысотно наиболее выделены 8-сложные строки, в которых появляется призыв к танцу.

Отметим, что соответствия мелодических ячеек определенному слоговому составу строк отсутствует, что говорит об относительной автономности текста и музыки. Исключение касается слов текстового рефрена, который всегда соотносится с первой МЯ.

Метроритмически основным является трехдольное движение, нарушаемое на границах некоторых строк (5–6, 9–10, 11–12). Вместо ожидаемой слабой третьей доли появляется акцентная доля первой восьмой из четырех. Такой же прием используется в середине строк 1 и 7. Переход с трехдольности на двудольность вносит синкопированность в ритмическое устройство напева.

Личная песня Кутыгырнына записана от его жены Л. М. Хутыгыргиной. Текст песни построен аналогично личной песне: на воспевании себя как мужчины, уроженца Вывенки и каюра. Только в первой фразе имеется характерный для мухоморных песен текст, констатирующий особое состояние: «Вывенский намухоморился!». Однострочный напев песни довольно продолжителен (строки 1, 5, 6, 8–10 – по 10–11 с, строки 2–4, 7 и 11 – по 5–7 с) и содержит большое количество распевов, приходящихся в основном на предпоследний слог строки.

Пример 5. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Кутыгырнына). Исполняет Лидия Михайловна Хутыгыргина (1935 г. р., с. Вывенка Олюторского р-на.). Запись 2004. ИФЛ, 15.067, № В30

Example 5. A fragment of a fly agaric song (Kutygyrnyн's personal song). Performed by Lidiya Mikhailovna Khutygirgina (born in 1935, Vyvenka, Olyutorsky district). Recording 2004. IFL, 15.067, no. V30

1	В'ив'ныльын галлалгалиң!	«Вывенский намухоморился!
2	В'ив'ныльын гамеңаллен!	Вывенский вырос!
3	Нэ-на-на, в'ив'ныльу!	Нэ-на-на, вывенский!
4	Эна!	Эна!
5	В'ыв'ныг'уля, эна! Оуа!	Вывенский мужчина, эна! Она!
6	В'ыв'ныг'уля, эу!	Вывенский мужчина, эн!

Исполнение мухоморных песен карагинских нымыланов И. С. Поповой и Е. И. Чечулиной осуществлено по просьбе собирателя продемонстрировать данную традицию (без реального употребления мухоморов). Одна из мухоморных песен Е. И. Чечулиной представлена в нашей более ранней публикации [Тирон, 2021]. Рассмотрим другую ее мухоморную песню, в которой используется личная песня Кусьынав. В тексте песни описываются мухоморные видения: в доме появляется злой дух *нинвит*, представляющий угрозу для детей, а женщина, находящаяся в мухоморном состоянии, далеко и высоко летает. Интересно, что имя *Кусьынав* переводится как 'оберег для детей'.

Пение при появлении злого духа зафиксировано у многих народов Сибири. А. В. Никольский упоминает якутский жанр *мэнэрик ырыата* 'crazy song', когда при появлении в углу юрты злого духа *абааса* старик начинает кричать от страха, петь в возбужденной манере песню злого духа, чтобы его выгнать, переходить на речитативную речь – диалог со злым духом, использовать тремолирующие напевы, спонтанные хлопки, впадать в состояние одержимости [Nikolsky et al., 2020].

Ладовое устройство мухоморной песни Е. И. Чечулиной характеризуется наличием в звукоряде «плавающих» ступеней с довольно широкой зонностью. Такое постепенное формирование свойственно «раскрывающимся ладам» ранне-фольклорного интонирования⁸. Структура напева двухстрочна: в первой строке мелодия имеет рисунок нисходящей волны от верхней ступени к возвращению к ней, затрагивая все ступени лада; во второй строке мелодический рисунок имеет контур восходящей волны с финалисом на нижней ступени напева. Выделяется также продолжительный распев последнего слога смысловнесущего текста в первых строках строф. В 3-й и 7-й строках перед основной мелодией появляется распев дополнительного распевого *а*.

В пении используются многочисленные огласовки согласных *р* (*ры*), *л* (*лю*, *ля*), *н* (*на*), *з* (*за*). Особенным тембровым приемом для корякского интонирования является использование распева начального согласного в слоге, который возникает на долю раньше, а затем повторяется с гласной в следующем слоге (см. *-(в)-ва* в 1-й строке, *-(н)-на* в четных строках). Также отметим появление вставных слогов (*э'э*, *га*) в середине слов (в строках 6 и 7). Из-за использования приемов огласовки согласных, продолжительных распевов в начале и в конце строк, равносложность текста уловить достаточно сложно, однако в качестве базовой структуры стиха укажем на 7-сложник, который появляется в пяти строках (1, 2, 4, 6 и 8) из восьми. Кроме того, имеются 5-сложные (5 и 7) и 6-сложные (3) строки.

Пример 6. Фрагмент мухоморной песни (личной песни Кусынава). Исполняет Екатерина Ивановна Чечулина (В'алят; род. в. 1938 г. в с. Анапка Карагинского р-на). Запись 1991 г. АТМ НГК, 12.168.А89, № 227

Example 6. A fragment of a fly agaric song (Kusynav's personal song). Performed by Ekaterina Ivanovna Chechulina (V'alyat; born in 1938 in Anapka, Karaginsky district). Recording 1991. АТМ NGK, 12.168.А89, no. 227

1 $\text{♩} = 126$
 Бусь - ы-яв' мын - ня - (в) - ва - лон:
 11.1

2
 «Гы-р(ы)-гы-л(я) ма-л(я) - жа па - жа - н - жа.
 5.9

⁸ Алексеев Э. Е. Якутские народные песни: Становление лада: Электронная версия книги «Проблемы формирования лада». М., 1976. (<http://eduard.alekseyev.org/pfl/chapter1.html>).

3
8 А, га - лю - уль ты - ца - ри - үён! 12,7

4
8 Ны - та - ёы - у(а) - бэ - (н) - на [ра]ра-(н) - ца! 6,0

5
8 Ны - та - йы - у(а) - бэ - н, то - г'оң! 10,4

6
8 Та - б(а) ни - у(а) - вэт га - ра - (г'э)л - бив' - (га) - ли - (н) - н(а)?! 5,7

1	Җусьыңав' мынньавалын:	Кусьинав исполним [песню]:
2	«Гыргул малҗа паҗанҗа.	«Высоко, далеко намухоморившаяся женщина!
3	А, галҗыл тыңариңын!	А, повсюду растущие детки!
4	Ныҗайыңҗэн [ра]раңа!	Нельзя [входить] в дом [нинвиту]!

В тексте мухоморной песни И. С. Поповой, основанной на личной песне ее матери М. П. Поповой, воспевается намухоморенная, поющая и танцующая женщина, баюкающая детей. Отметим традиционный для мухоморных песен прерывающий пение речевой диалог исполнительницы и находящегося рядом с ней человека: «Точно я намухоморилась?» «Точно, ты намухоморилась!» Он необходим для уточнения реальности или воображаемости видений, чтобы вернуться из мухоморного путешествия в иной мир [Батъянова, 2001].

Отметим обилие и продолжительность распевов в середине слова, часто с многократно повторяющимся слогом, словообрывы с переносом окончания слова на следующую мелодическую строку (см. строки 1–2). Напев песни двухстрочный с чередованием финальных ступеней *g* и *a*. Однако в процессе исполнения строки могут сливаться в единый поток распевов (строки 9–10). В основе широкообъемного лада характерный тритоновый звукоряд с широкой зонностью ступеней (*d / dis*) / *e* / (*f*)-(*fis*) / *g-a-h-(c)* / *cis-d*.

Пример 7. Фрагмент мухоморной песни (личной песни М. П. Поповой). Исполняет Ирина Спиридоновна Попова (Кала; род. в 1937 г. в с. Карага Карагинского р-на). Запись 1991 г. АТМ НГК, 12.168.А89, № 226

Example 7. A fragment of a fly agaric song (a personal song by M. P. Popova). Performed by Irina Spiridonovna Popova (Kala; born in 1937 in Karaga, Karaginsky district). Recording 1991. АТМ NGK, 12.168.А89, no. 226

Am - нэ - жа - жа - в'ли...-(в' - ли...
 ...э) - - - жа(а) га - (л) - ла - л - ла - (л) - лин!
 Э - во - жа(а-в'в'э), г'э - жо - (н) - жа - э...
 ...э - - - жа) г'э - жа(а - г'э) - ин,

Амнэжаав'ли...
 Галыллялин!
 Эвын, г'энын
 Г'энын,

Поющая
 Намухоморилась!
 Баюкающая, поющая
 Поет,

В заключение следует отметить, что в статье дается лишь первое приближение к теме мухоморных песен коряков. На основе анализа нескольких образцов, записанных от коряков-нымыланов, представлена попытка охарактеризовать мелодическое и ладовое строение напевов, а также рассмотреть устройство системы стихосложения песен.

В качестве смысловых маркеров мухоморных песен укажем на следующие:

- 1) констатация мухоморного состояния автора личной песни, которая во всех приведенных образцах звучит из уст его потомка;
- 2) необходимость подтверждения мухоморного состояния посредством речевого диалога с наблюдающим человеком в трезвом состоянии;
- 3) сообщение посланий для потомков из иного мира;
- 4) описание ситуации мухоморного танца (реального или мифического);
- 5) описание элементов мухоморного путешествия в иные миры (обязательное наличие напарника, способность видеть духов и др.).

Поскольку мухоморные песни основаны на личных песнях, то в них используются напевы и тексты песен предков. Песни мужчин характеризуют основные их качества – быть каюром, мужем, сыном матери, иметь потомков; песни женщин подчеркивают материнскую роль баюкающей женщины, предназначение

оберегать детей, быть дочерью отца / предков. Частым является подчеркивание принадлежности к определенному территориальному локусу (в двух рассмотренных текстах упоминается Вывенка).

Рассматривать ли мухоморные песни как особый жанр корякского музыкального фольклора или это тематическая разновидность жанра личных песен? Относить ли песни, исполненные в состоянии мухоморного опьянения, в текстах которых отсутствует мухоморная тематика, к мухоморным песням? Для решения этих вопросов необходимо привлечение материала большего объема. Продуктивным для изучения было бы также обнаружение некоторого количества образцов личных песен, исполненных в обычном и мухоморном состояниях.

Интересны также особые песни, исполняемые при встрече / сборе мухоморов. По-видимому, они не связаны с традицией личных песен и представляют собой песни-танцы радостного характера.

В целом мухоморные песни коряков – это особый тип личных песен коряков, в котором проявляются представления о существовании мифического племени танцующих женщин-мухоморов, о связи миров живых и ушедших людей. Изучение мухоморных песен позволит глубже познать мировоззрение коряков и феномен личной песни, широко распространенный у народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

Батьянова Е. П. Мухомор в лечебной и обрядовой практике народов Сибири // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Материалы Международного конгресса. М.: ИЭА РАН, 2001. С. 69–81.

Богданов И. А. Хантыйская и мансийская музыка // Музыкальная энциклопедия / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Т. 5. Стб. 1025–1028.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.

Бродский И. А. К изучению музыки народов Севера РСФСР // Традиционное и современное народное музыкальное творчество: Сб. тр. М., 1976. Вып. 29. С. 244–257.

Голованева Т. А., Мальцева А. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык. Новосибирск: Гео, 2015. 172 с.

Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки: петроглифы Пегтымеля. М.: Наука, 1971. 131 с.

Мазур О. В., Солдатова Г. Е. Обские угры // Музыкальная культура Сибири: В 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1, кн. 1. С. 17–61.

Мальцева А. А., Солдатова Г. Е. Фольклорно-этнографическая экспедиция на Камчатку // Сибирский филологический журнал. 2004. № 3–4. С. 137–140.

Мелетинский Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 229 с.

Родовые мелодии и танцы коряков-нымыланов с. Лесная, Камчатка / Сост. Э. Кастен. Фюрстенберг, 2016. 160 с. (Серия «Языки и культуры народов Дальнего Востока России»)

Сагалаев К. А. Ритуальное употребление мухоморов у современных коряков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 3 (37). С. 142–148.

Сильвет Х. О мухоморной песне обских угров // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным: Тез. докл. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. С. 134–135.

Тирон Е. Л. Песенный фольклор коряков в записях и публикациях: историография и перспективы этномузыковедческого изучения // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 9–25.

Тирон Е. Л. Личные песни коряков: представления современных носителей традиции // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2

Тирон Е. Л. Песни нымыланки В'алят (по материалам Комплексной экспедиции 1991 года) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2

Шейкин Ю. И. Музыкальная культура народов Северной Азии. Якутск: РДНТ, 1996. 123 с.

Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Шейкин Ю. И. Музыкальная культура чукчей / Отв. ред. О. Э. Добжанская, Т. И. Игнатьева. Новосибирск: Наука, 2018. 208 с.

Discovering Siberia: Song of the Forest Nenets: CD / Ed. T. Ojamaa. [Tartu]: Estonian Literary Museum, 2002.

Kaur M., Toulouze E. On Forest Nenets Shaman Songs // Ethnographica et folkloristica carpathica: Mental Spaces and Ritual Traditions. An International Festschrift to commemorate the 60th birthday of Mihály Hoppál. 2002, pp. 413–431.

Nikolsky A., Alekseyev E., Alekseev I., Dyakonova V. The Overlooked Tradition of “Personal Music” and Its Place in the Evolution of Music // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 10. 3051. DOI 10.3389/fpsyg.2019.03051

Ojamaa T., Ross J. The perceived structure of Forest Nenets songs: A cross-cultural case study // Psychomusicology: Music, Mind and Brain. 2011. No. 21 (1–2). P. 159–175. DOI 10.1037/h0094010

Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of Amanita Muscaria // Journal of Ethnopharmacology. 1991. No. 31. P. 157–173.

Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.

Список источников

Меваннаут, 2019 – Полевое интервью с Ироидой Николаевной Меваннаут (Меваннаут'ыт; род. в 1948 г. в с. Рекинники Карагинского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Нутаюлгин, 2019 – Полевое интервью с Владимиром Михайловичем Нутаюлгиным (Нутаюлгын; род. в 1964 г. в с. Вывенка Олуторского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Сиирала, 2008 – Материалы камчатской экспедиции П. Сиирала 2008 г.

Чечулина, 2019 – Полевое интервью с Лидией Иннокентьевной Чечулиной (Љывнютаңав'; род. в 1957 г. в с. Анапка Карагинского р-на) Т. А. Голованевой, Е. Л. Тирон в 2019 г. в г. Петропавловск-Камчатский.

Шейкин, 1991 – Полевой дневник Ю. И. Шейкина из КФЭ на Камчатку 1991 г. Цифровая копия архива сектора фольклора ИФЛ СО РАН.

Шейкин, 2004 – ГТРК Саха, радиопередача «Голоса тундры и тайги: коряки» от 15.10.2004.

References

Bat'yanova E. P. Mukhomor v lechebnoy i obryadovoy praktike narodov Sibiri [Fly agaric in the healing and ritual practice of the peoples of Siberia]. In: *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniya i praktiki: Materialy Mezhdunar. kongressa* [Shamanism and other traditional beliefs and practices: Materials of the Intern. Congress]. Moscow, IEA RAN, 2001, pp. 69–81.

Bogdanov I. A. Khantyyskaya i mansiyskaya muzyka [Khanty and Mansi music]. In: *Muzykal'naya entsiklopediya* [Musical encyclopedia]. Yu. V. Keldysh (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1981, vol. 5, cols. 1025–1028.

Bogoraz V. G. *Material'naya kul'tura chukchey* [Material culture of the Chukchi]. Moscow, Nauka, 1991, 224 p.

Brodskiy I. A. K izucheniyu muzyki narodov Severa RSFSR [To the study of music of the peoples of the North of the RSFSR]. In: *Traditsionnoe i sovremennoe narodnoe muzykal'noe tvorchestvo: Sb. trudov* [Traditional and modern folk music creativity: Coll. of works]. Moscow, 1976, iss. 29, pp. 244–257.

Dikov N. N. *Naskal'nye zagadki drevney Chukotki: Petroglify Pegtymelya* [Rock riddles of ancient Chukotka: Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow, Nauka, 1971, 131 p.

Discovering Siberia: Song of the Forest Nenets: CD. T. Ojamaa. (Ed.). Tartu, Estonian Literary Museum, 2002.

Golovaneva T. A., Mal'tseva A. A. *Golosa koryakskoy kul'tury: Liliya Aymyk* [Voices of the Koryak culture: Lilia Aymyk]. Novosibirsk, Geo, 2015, 172 p.

Kaur M., Toulouze E. On Forest Nenets Shaman Songs. In: *Ethnographica et folkloristica carpathica: Mental Spaces and Ritual Traditions. An International Festschrift to commemorate the 60th birthday of Mihály Hoppál*. 2002, pp. 413–431.

Mal'tseva A. A., Soldatova G. E. Fol'klorno-etnograficheskaya ekspeditsiya na Kamchatku [Folklore and ethnographic expedition to Kamchatka]. *Siberian Journal of Philology*. 2004, no. 3–4, pp. 137–140.

Meletinskiy E. M. *Paleoaziatskiy mifologicheskiy epos: Tsikl Vorona* [Paleoasiatic mythological epic: The Raven Cycle]. Moscow, Nauka, 1979, 229 p.

Mazur O. V., Soldatova G. E. Obskie ugry [Ob Ugrians]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri: V 3 t.* [Musical culture of Siberia: In 3 vols.]. Novosibirsk, 1997, vol. 1, bk. 1, pp. 17–61.

Nikolsky A., Alekseyev E., Alekseev I., Dyakonova V. The Overlooked Tradition of “Personal Music” and Its Place in the Evolution of Music. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 10, 3051. DOI 10.3389/fpsyg.2019.03051

Ojamaa T., Ross J. The perceived structure of Forest Nenets songs: A cross-cultural case study. *Psychomusicology: Music, Mind and Brain*. 2011, no. 21 (1–2), pp. 159–175. DOI 10.1037/h0094010

Rodovye melodii i tantsy koryakov-nymylanov s. Lesnaya, Kamchatka [Generic melodies and dances of the Koryak-Nymylans of Lesnaya, Kamchatka]. E. Kasten (Comp.). Fyurstenberg, 2016, 160 p. (Series: Yazyki i kul'tury narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]).

Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of *Amanita Muscaria*. *Journal of Ethnopharmacology*. 1991, no. 31, pp. 157–173.

Sagalaev K. A. Ritual'noe upotreblenie mukhomorov u sovremennykh koryakov [Ritual use of fly agarics among modern Koryaks]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022, no. 3 (37), pp. 142–148. DOI 10.23951/2307-6119-2022-3-142-148.

Sheykin Yu. I. *Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri: Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie* [History of musical culture of the peoples of Siberia: Comparative historical research]. Moscow, Vost. lit., 2002, 718 p.

Sheykin Yu. I. *Muzykal'naya kul'tura chukchey* [Musical culture of the Chukchi]. O. E. Dobzhanskaya, T. I. Ignat'eva (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2018, 208 p.

Sheykin Yu. I. *Muzykal'naya kul'tura narodov Severnoy Azii* [Musical culture of the peoples of Northern Asia]. Yakutsk, RDNT, 1996, 123 p.

Sil'vet Kh. O mukhomornoy pesne obskikh ugrov [About the fly agaric song of the Ob Ugrians]. In: *Mirovozzrenie narodov Zapadnoy Sibiri po arkhologicheskim i etnograficheskim dannym: Tez. dokl.* [Worldview of the peoples of Western Siberia according to archaeological and ethnographic data: Abstracts of reports]. Tomsk, TSU Publ., 1985, pp. 134–135.

Society and Folk Art of Indigenous Peoples in Kamchatka Region. Center for Language Studies, Otaru University of Commerce. March 31. 1998.

Tiron E. L. Lichnye pesni koryakov: predstavleniya sovremennykh nositeley traditsii [Personal songs of Koryaks: representations of modern bearers of tradition]. *Siberian Journal of Philology*. 2020, no. 1, pp. 36–48. DOI 10.17223/18137083/70/2.

Tiron E. L. Pesenny fol'klor koryakov v zapisyakh i publikatsiyakh: istoriografiya i perspektivy etnomuzykovedcheskogo izucheniya [Song folklore of Koryaks in records and publications: historiography and prospects of ethnomusicological study]. *Siberian Journal of Philology*. 2019, no. 1, pp. 9–25. DOI 10.17223/18137083/66/1.

Tiron E. L. Pesni nymylanki V'alyat (po materialam Kompleksnoy ekspeditsii 1991 goda) [Songs of the Nymylan woman V'alyat (based on the materials of the Complex Expedition to Kamchatka in 1991)]. *Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 22–37. DOI 10.17223/18137083/76/2.

List of sources

Chechulina, 2019 – Field interview with Lidia Innokentievna Chechulina (Kyvnyutanav'; born in 1957 in Anapka, Karaginsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Mevannaut, 2019 – Field interview with Iroida Nikolaevna Mevannaut (Mevannav'yt; born in 1948 in Rekinniki, Karaginsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Nutayulgin, 2019 – Field interview with Vladimir Mikhailovich Nutayulgin (Nutayulgin; born in 1964 in Vyvenka, Olyutorsky district) by T. Golovaneva, E. Tiron in 2019 in Petropavlovsk-Kamchatsky.

Sheykin, 1991 – Yu. Sheykin's field diary from the KFE to Kamchatka 1991. Digital copy of archive of the Sector of Folklore of the IFL SB RAS.

Sheykin, 2004 – GTRK Sakha, radio program “Voices of tundra and taiga: Koryaks”, 10.15.2004.

Информация об авторе

Екатерина Леонидовна Тирон, кандидат искусствоведения
RSCI Author ID 618892

Information about the author

Ekaterina L. Tiron, Candidate of Arts History
RSCI Author ID 618892

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 19.01.2023
The article was submitted on 11.01.2023;
approved after reviewing on 19.01.2023; accepted for publication on 19.01.2023*